

О ФОРМАХ ЭКСПЛУАТАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ РАННЕКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВАХ. ФРАКИЯ

Т. Д. Златковская

В последнее время в советской исторической науке дебатруется вопрос о путях перехода от доклассового к раннеклассовому обществу, о сущности так называемого азиатского способа производства, о формах собственности, эксплуатации, государственных и других институтов, присущих раннеклассовым обществам. В центре внимания при этом стояли и стоят по преимуществу раннеклассовые общества Древнего Востока. Это, очевидно, объясняется тем, что понятие «азиатский способ производства» было сформулировано К. Марксом на основе обобщения материалов истории Востока. Европейские раннеклассовые общества изучались в этой связи гораздо меньше, они обычно упоминаются лишь вскользь, хотя и указывается, что в раннеклассовых обществах Древнего Востока и Европы можно уловить много общих или сходных черт и явлений. Между тем этот вопрос требует рассмотрения большого фактического материала, детальных конкретно-исторических исследований различных раннеклассовых обществ Европы.

Изучение социально-экономических отношений в раннеклассовых обществах, существовавших в разных областях Европы, важно во многих отношениях. Для племен, подвергшихся более или менее значительному воздействию греко-римской цивилизации, особенно существенно исследование процессов социально-экономического развития, протекавших до их включения в состав античных государств или до того, как они оказались в сфере влияния античных рабовладельческих обществ. Такое исследование дает возможность проследить в наиболее чистом виде производственные отношения, процессы классового образования и возникновения государственности, развивавшиеся в результате внутренних, имманентных законов, когда европейский племенной мир еще не подвергся глубокому экономическому, социальному, политическому и культурному влиянию греков и римлян. И хотя в дальнейшем эллинизация, а затем и романизация коснулись в той или иной степени многих европейских племен и народов, включенных в общий процесс развития античной ойкумены, эти внутренние тенденции развития отдельных частей греко-римского мира продолжали проявляться. В разных формах и в разной степени они сказались на многих сторонах жизни народов, включенных в состав античного общества, несмотря на нивелирующее воздействие эллинского, македонского и римского господства. Более того, эти имманентные процессы развития, характерные для отдельных составных частей средиземноморской цивилизации, оказали существенное влияние на социально-экономическое развитие античного мира в целом.

В плане упомянутых проблем очень интересно изучение различных сторон социально-экономического развития фракийских племен, сыгравших весьма значительную роль в жизни всего античного мира и

Юго-Восточной Европы, в частности. Именно фракийцы дали истории пример весьма раннего по европейским масштабам возникновения государства (уже в V в. до н. э.). Это государство — Одрисское царство, объединившее под эгидой племени одрисов множество фракийских племен и охватившее земли от Нижнего Дуная на севере до Эгейского моря и Пропонтиды на юге, от берегов Евксинского Понта на востоке до течения Неста (современная река Места) и Стримона (современная река Струма) на западе. Имевший большое распространение в первой половине нашего столетия взгляд на Фракийское государство как на феодальное, наиболее четко высказанный в работах Г. Кацарова и М. И. Ростовцева, в середине нашего века был пересмотрен. Теперь в исторической литературе характер этого крупного государства оценивается, на наш взгляд, противоречиво. С одной стороны, отмечается ведущая роль свободного труда в производстве и указывается, что фракийское крестьянство было основной производительной силой в стране. С другой стороны, в иных (а иногда и в этих же) работах подчеркивается рабовладельческий характер Одрисского царства¹. Не имея возможности коснуться здесь всех аспектов социально-экономической и политической истории ранних фракийцев, которые характеризовали бы фракийское общество в целом, мы остановимся лишь на исследовании форм зависимости и эксплуатации, наличие которых может быть установлено у фракийцев накануне образования Одрисского царства и в начальный период его существования. Такой выбор диктуется тем, что, как известно, именно способ эксплуатации является одним из важнейших и наиболее характерных признаков, по которому следует определять принадлежность общества к той или иной общественной формации.

В исторической литературе, главным образом болгарской, было обращено внимание на то, что фракийский крестьянин уже в ранние периоды существования Одрисского царства предстает как лицо, обремененное экономическими обязательствами перед царем и его приближенными — парадинастами (более мелкими, подчиненными царю правителями отдельных частей государства) и аристократией². Эти общие представления нуждаются в конкретизации. Наука не располагает, к сожалению, источниками, которые дали бы возможность проследить процесс закабаления, возникновения и развитие различных форм зависимости: имеющиеся сведения касаются периода, когда они уже в значительной мере были оформлены. Мы можем лишь предполагать, что социальные и производственные отношения, сложившиеся во Фракии к V в. до н. э., созревали в предшествующий, доодрисский период, что основной производитель — фракийский крестьянин прошел хорошо известный в истории путь от общинника, владеющего землей по праву своей принадлежности к общине и продуктами своего труда по праву свободного человека, несущий

¹ G. Kazarov. Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker. Sarajevo. 1916, S. 20; Г. Кацаров. България в древността. София. 1926, стр. 22; M. Rostovzeff. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Bd. I. Leipzig. 1929, S. 399 Anm. 79; Ат. Милчев. Социально-экономический и общественно-политический строй на траките (VIII—IV вв. пр. н. э.). «Исторически преглед», 1950, № 4—5, стр. 534, 545; Д. П. Димитров. Един нов паметник за антично робство в римска Тракия. София. 1949, стр. 10; Хр. М. Данов. Към история на робството в древна Тракия. «Исторически преглед», 1949, № 3—4, стр. 410; ето же. Югоизточна Тракия по сведенията на Ксенофонт. «Известия на Института за българска история» (далее — «ИИБИ»), 1951, № 3—4, стр. 299—300; «История Болгарии». М. 1954, стр. 23; Б. Геров. Проучвания върху поземлените отношения в Тракия и Мизия през римската епоха. «Годишник на Софийския университет» (далее — «ГСУ»). Филологически факултет. Т. I, № 2. 1955, стр. 20; «История на България». София. 1961, стр. 24 (раздел «Одриско царство», охватывающий V в. до н. э., помещен здесь в главе «Рабовладельски строй»).

² G. Kazarov. Op. cit., S. 20; M. Rostovzeff. Op. cit., S. 339, Anm. 79. Хр. Данов. Югоизточна Тракия по сведенията на Ксенофонт, стр. 300—301; Б. Геров. Указ. соч., стр. 19; Д. П. Димитров. За укрепените вили и резиденции у траките в предримската епоха. «Изследования в чест на акад. Д. Дечев по случай 80 годишнината». София. 1958, стр. 694—695.

щего обязательства, направленные на удовлетворение интересов всего коллектива общинников, до подданного варварского государства, уже отягощенного обязательствами по отношению и к верховному правителю-царю и к бывшим племенным вождям, превратившимся в параднастов. Только в термине «подарки», которым в Одрисском царстве обозначали налоги, ставшие уже регулярными и обременительными, можно уловить первоначальное значение этого слова. Оно восходит к самому раннему периоду формирования государственности, когда еще не нарушенная иллюзорность общности интересов племени в целом имела своим следствием материальную благодарность по отношению к тем представителям его, которые взяли на себя обязанности отстаивать эти интересы. Во Фракии в V в. до н. э. добровольные и нерегулярные подношения уже были заменены данью, взимавшейся путем насильственного внеэкономического принуждения, имевшего вначале форму эпизодических грабительских набегов, а потом широких военных кампаний одрисских царей, ставивших своей целью главным образом обложение населения регулярной данью.

Историк Ксенофонт, бывший не только современником, но и активным участником одной из таких кампаний, оставил в своем «Анабазисе» подробное описание того, как в самом конце V в. до н. э. будущим одрисским царем Севтом II было покорено родственное одрисам фракийское племя финов, населявших часть юго-восточных земель Фракии. Дважды (Anabasis, VII, IV, 24 и VII, VII, 32) Ксенофонт писал о превращении в результате этого завоевания свободных фракийцев в «дулов». Последний термин и производный от него — «дулейя», передаваемые часто русским словом «рабы» и «рабство», в понимании древних греков обозначали не обязательно рабов и их статус в специфически античном смысле слова, но людей, лишенных свободы или обладающих лишь ограниченной свободой. Среди различных значений этого термина в греческом языке имеется и значение «подданный»³, в котором, как мы полагаем, и следует здесь его понимать. Основанием для этого служат четыре параграфа «Анабазиса» (VII, VII, 29—32), трактующие взаимоотношения между покоренными фракийцами и их новым властелином. В первом из них противопоставляются «подданство» и «свобода», а в последнем (в идентичном контексте) «дулейя» противопоставляется «свободе», что указывает на равнозначность в данном конкретном случае понятий «подданство» и «дулейя». Итак, включение фракийцев в число подданных царя влекло за собою какое-то ограничение свободы. То, что это ограничение выражалось прежде всего в возникновении экономических обязательств перед царем, четко выступает в речах Ксенофонта (Anabasis, VII, III, 31; VII, VII, 5—7) и самого Севта (Anabasis, VII, II, 34). Уже Фукидид, описывавший время первых крупных одрисских правителей (вторая половина V в. до н. э.), весьма красноречиво говорил: «Со всей земли варваров и с эллинских городов, над которыми одрисы властвовали при Севте, царствовавшем после Ситалка⁴ и увеличившем до наивысшей степени размер податей, последних поступало золотом и серебром почти 400 талантов. Не менее этой суммы золота и серебра приносилось в качестве подарков, не считая расшитых и гладких тканей и разной домашней утвари» (Thucyd., II, 97, 3). Перед нами — свидетельство введения в Одрисском царстве регулярных податей как в денежной, так и в натуральной форме.

³ См. Я. А. Ленцман. Термины, обозначающие рабов в древнегреческом языке. «Вестник древней истории» (далее — «ВДИ»), 1951, № 2, стр. 57—59, 62; И. Д. Амусин. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты. «ВДИ», 1952, № 3, стр. 55.

⁴ Речь идет о третьем из одрисских царей — Севте I (424—? гг. до н. э.), сыне Ситалка (431—424 гг. до н. э.).

О том, что эти поборы были основаны на праве царя на завоеванные земли, можно судить и по приведенным выше словам Фукидида и по советам, которые давал Ксенофонт Севту, как заботиться о земле, которую «считаешь своей собственной» (*Anabasis*, VII, VII, 33), как с помощью греческого войска вновь обрести те обширные земли, которыми владел еще Ситалк (*Anabasis*, VII, III, 31). Весьма выразителен в этом отношении текст того же источника, изобилующий свидетельствами о раздаче царем деревень (VII, VII, 1 и 2), земельных участков (VII, II, 25, 36, 38; VII, VIII, 19; VII, VI, 43; VII, VII, 50) и крепостей (VII, V, 8). Существенно отметить, что Севт раздавал земли в самых различных частях страны, распоряжаясь не своим родовым наделом, который должен был бы находиться на землях одрисского племени и быть сосредоточенным в одном месте, а землями всего Одрисского царства. Раздача земли служила фракийскому царю средством вознаграждения за различные услуги, оказанные ему приближенными лицами (VIII, III, 19), военачальниками, способствовавшими захвату власти над фракийскими племенами (VII, II, 36; VII, V, 8; VII, VI, 43 и др.); он предлагает их также в качестве выкупа за свою невесту (VII, II, 36) и т. п. Передавая в дар землю, царь тем не менее оставался, по-видимому, ее верховным распорядителем. Во всяком случае, получив в дар от царя одну из деревень, фракиец Медосад дважды пытался изгнать грабящих эту деревню греческих воинов, ссылаясь на авторитет царя (*Anabasis*, VII, VII, 2 и VII, VII, 16). Скорее всего здесь следует говорить о том, что в результате дарения менялось лишь лицо, в пользу которого собирался налог.

Сказанное о праве царя на распоряжение землей можно с большим основанием относить к землям завоеванных силой фракийских племен; на собственно одрисской территории ему приходилось считаться с происходящим (или уже происшедшим) захватом общинных земель родовой знатью, представителем которой являлся и он сам. Таким образом, налог, собиравшийся фракийским царем в результате завоевания и внеэкономического принуждения, был лишь одной из форм присвоения прибавочного продукта труда фракийского крестьянина. Верховный правитель Фракийского царства не был единственным, кто пользовался правом такого присвоения; на него претендовала целая иерархия знатных лиц. Сообщая, что стоимость «подарков» составляла не меньшую сумму, чем сумма податей, поступавших в виде золота и серебра, Фукидид отмечал: «Подарки эти делались не только Севту, но и правившим вместе с ним династам, а также и знатным одрисам» (II, 97, 3). Фукидид очень четко очерчивает три социальные категории, сплотившиеся в господствующую группу, которая, используя функции управления («правившие вместе с ним», то есть вместе с царем), присваивала себе в виде натуральных («подарки») и денежных (золотом и серебром) податей прибавочный продукт земледельца. Существенно отметить, что именно эти три категории фракийцев обозначаются Фукидидом, если брать его труд в целом, одним и тем же термином — «династы». К ним во Фракии, по Фукидиду, причисляли: 1) принцев царской крови (II, 101); 2) подчиненных одрисским царям правителей более мелких царств (II, 97); 3) влиятельнейших представителей местной родовой знати (IV, 105)⁵. Здесь можно зафиксировать во фракийском обществе тот момент, когда «все возрастающая самостоятельность общественных функций» превращалась в господство над обществом⁶.

⁵ G. Seure. *Archéologie Thracé*. «Revue archéologique», t. XV, janvier-avril, 1942, p. 51, note 2. Фукидиду следует признать весьма компетентным в истории Фракии. Полуфракиец по происхождению, он всю жизнь был тесно связан с этой страной, владея в Южной Фракии сереброносным рудником в местечке Скаптесиле.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 184.

Источники не дают, к сожалению, сведений о других формах присвоения труда общинников. Появление в различных областях Греции большого числа фракийцев, не связанных с общиной, — военных наемников, рудокопов, цветочниц, гетер; продажа фракийцами своих детей на чужбину; грабежи, сделавшиеся частым явлением, — все это свидетельствовало о далеко зашедшем процессе разложения общины, составляло оборотную сторону разорения общинников, полностью или частично лишенных средств существования, получаемых ими ранее в результате обработки земли. Богатейшие погребения фракийской знати, обнаруженные на землях Болгарии и составляющие разительный контраст с погребениями рядовых фракийцев, указывают на глубину имущественной дифференциации во фракийском обществе VI—V вв. до н. э. Можно предположить, что земли, захваченные у общинников, продолжали обрабатываться крестьянами, хотя и были превращены во владения знати. В этой связи следует обратить внимание на паразитическую мораль последней, вполне оформившуюся ко времени возникновения Одрисского царства и безусловно отражавшую реальную действительность: «Жить в праздности почитается высшей доблестью, а обработка земли — самое постыдное занятие» (Herodot., V, 6); «считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд» (Herodot., II, 167); «лучше брать, чем давать» (Thucyd., II, 97, 4). Таким образом, мы должны констатировать, что население Одрисского царства вынуждено было отдавать часть прибавочного продукта своего труда в виде податей в натуральной или денежной форме; лишь предположительно можно говорить о работе на чужих землях, может быть, на условиях получения доли урожая.

Право на взимание поборов появилось у фракийского царя, парадинастов, родовой и служилой знати в результате насильственного захвата земель родственных одрисам фракийских племен или же как следствие разложения общины, присвоения наиболее сильными и знатными родственными коллективами или отдельными семьями земель обедневших общин или общинников. Развитие фракийского общества сопровождалось усилением тенденции ко все большему налоговому гнету. Ее отметил уже Фукидид, описывавший период первого расцвета Одрисского государства и указавший, что Севт I увеличил «до наивысшей степени размер податей» (II, 97, 4). Труд основного населения Фракии — общинников, с которых собирались эти подати, создавал основу богатства Одрисского царства, точнее, царя и знати, которые стояли во главе его. Оба великих историка древности, наиболее подробно писавшие об одрисах — Фукидид и Ксенофонт, уловили эту черту. Наиболее красноречив первый из них. Рассказав о налогах, взимавшихся с фракийцев одрисскими правителями, он заключает: «Вследствие этого царство одрисов достигло большого могущества. Действительно, из всех царств Европы, лежащих между Ионийским заливом и Евксинским Понтом, оно было самым могущественным по количеству доходов и вообще по благосостоянию» (II, 97, 5). Эта же мысль в несколько иной форме высказана Ксенофонтом. Нанимаясь с войском на службу к будущему фракийскому царю Севту II, он обещает, что тот с помощью греческих воинов-наемников обретет потерянные земли, а множество мужей и жен поднесут ему в качестве «подарков» все то, что он ранее добывал грабежом (Anabasis, VII, III, 31).

Факт уплаты налога, как это неоднократно констатировалось в нашей литературе⁷, нельзя считать достаточным для утверждения о не-

⁷ См. И. М. Дьяконов. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. «ВДИ», 1967, № 4, стр. 34; «Дискуссия по проблеме родовой и сельской общины на Древнем Востоке», «ВДИ», 1963, № 1, стр. 193; Е. С. Голубцова. Формы зависимости сельского населения Малой Азии в III—I вв. до н. э. «ВДИ», 1967, № 3, стр. 25.

свободном статусе лиц, его выплачивающих. Действительно, имеющиеся в нашем распоряжении источники подтверждают такую точку зрения. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что налог взимался одрисами не только с фракийцев, но и с эллинских городов, жители которых не были лишены гражданских прав (и, следовательно, не могли считаться несвободными). Более того, с нашей точки зрения, уплата налога выступает как акт, свидетельствующий скорее о свободе, чем о порабощении (понимая в данном случае это слово буквально — превращение в раба). Среди других фактов, подтверждающих наличие личной свободы у непосредственных производителей, следует, как это ни парадоксально, отметить уже упоминавшийся нами «обычай продавать своих детей на чужбину» (Herodot., V, 6). Оставив в стороне связанные с разложением общины процессы, которые привели к возникновению этого обычая, надо сказать, что сообщение Геродота свидетельствует как раз о праве фракийцев распоряжаться личностью своих детей и своей личностью. Не менее важны в этом отношении и многочисленные указания античных источников на существование с VII в. до н. э. военного наемничества⁸. Право фракийцев наниматься за плату солдатами в армию, набираемую частными лицами или государствами, служит подтверждением их личной свободы. В сведениях Ксенофонта о богатых, расположенных близко друг от друга деревнях Фракии, в упоминании им о «предводителях домашнего очага (семьи)» в этих деревнях также усматривается указание на свободный статус населения деревень⁹.

Однако еще более показателен последующий ход истории Фракии, в частности римский период, в значительной мере подведший итог всему развитию страны в античное время¹⁰. Исследователи Придунайских областей и Фракии римского времени приходят к заключению о необычайной устойчивости хозяйства, основанного на труде самих земледельцев¹¹. Этим обстоятельством объясняется ряд существенных особенностей социально-экономической жизни названных областей, в частности слабое развитие здесь крупного землевладения — императорских и частновладельческих сальтусов (до III в. н. э.); сравнительно позднее появление колонатных отношений; происхождение колонов главным образом из числа свободных крестьян, что отразилось на типе отношений (прикрепление колона к земле, а не к хозяину имения), и ряд других явлений. Со всем отмеченным связана и специфика административного устройства римской Фракии, где (до Траяна) центром основной единицы — *territoria* — был не город (*polis*), как обычно в римских провин-

⁸ Б. Геров. Указ. соч., стр. 59, прим. 44; G. Kazanow. Op. cit., S. 75—76; Д. П. Маринович. Греческие наемники в конце V — начале IV в. до н. э. «ВДИ», 1958, № 4, стр. 75, 76.

⁹ Хр. М. Данов. Югоизточна Тракия по сведенията на Ксенофонт, стр. 299; с ним согласен и Б. Геров (Указ. соч., стр. 20).

¹⁰ Данные о роли свободного крестьянства и крестьянского хозяйства Фракии в поздние эпохи могут быть использованы для времени, им предшествующего, в частности исследуемого: в античное время изменения шли в направлении уменьшения слоя мелкого свободного крестьянства, а не его роста и тем более возникновения. Об этом процессе в западных провинциях Римской империи см.: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. 1957, стр. 81—117; см. также А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи. М. 1949; О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М. 1954, стр. 94, 95 и др.

¹¹ М. Rostovzeff. Op. cit., S. 200—203; «История на България», стр. 35; Б. Геров. Указ. соч., стр. 52, сл.; V. Velkov. Zur Frage der Sklaverei auf der Balkanhalbinsel während der Antike. «Etudes Balkaniques», 1964, № 1, S. 135; e jus d. Les campagnes et la population rurale en Thrace aux IVe — VIe siècles. «Byzantinobulgarica». T. I. 1962, pp. 45, 53; Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 227—246; О. В. Кудрявцев. Указ. соч., стр. 306; А. П. Кадан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. «ВДИ», 1953, № 3, стр. 91.

циях, а село («коме», *vicus*). Исключительная роль фракийского крестьянства прослеживается и по данным, относящимся к истории римской армии: усиление роли дунайской армии в римской истории III в. объясняется большим удельным весом мелкого свободного землевладения в дунайских провинциях. Массовый эпиграфический материал из Фракии также подтверждает роль свободного крестьянства во всех областях жизни Империи. Надписи сообщают об исполнении жителями деревень общественных и религиозных функций, о достижении некоторыми из них высоких военных чинов, о широком привлечении фракийцев в римское войско (главным образом в преторианские когорты), о вступлении их в договорные отношения. Две очень важные надписи из Пизоса (202 г.) и Скаптояры (238 г.) сообщают о том, что крестьяне «владеют землей», «сидят на своей земле», что правитель провинции «убеждает» их переселиться из сел в новый эмпорий и просит склонить к такому же добровольному переселению и жителей других сел. Подобные примеры можно умножить. Таким образом, следует констатировать, что в истории античной Фракии основным производителем в сельском хозяйстве (а оно являлось главной отраслью экономики) был крестьянин, остававшийся лично свободным, несмотря на различные формы зависимости, наиболее ранние из которых мы пытались здесь охарактеризовать.

Категория свободных во фракийском обществе VII—V вв. до н. э. охватывала людей различного имущественного и социального состояния — от общинника, обремененного податями, до аристократов, обладавших крупными земельными владениями и движимым имуществом, получавших доходы с крестьян, главным образом путем внеэкономического принуждения. Острые столкновения между этими полярными частями свободного населения Фракии засвидетельствованы литературными и археологическими источниками. Упомянутое выше ожесточенное сопротивление фракийского племени финов завоеванию их одрисскими царями мы склонны рассматривать не просто как сражения одного племени с другим, а как проявление социальной борьбы против насилия иноплеменной знати — военной дружины царя и иноземных наемников. Но есть бесспорные свидетельства борьбы местного населения и против собственной земельной аристократии. На них обратил внимание болгарский исследователь академик Д. П. Димитров, проведший источниковедческий анализ термина «тирсис» и пришедший к выводу, что этим термином во времена Ксенофонта обозначали укрепленную резиденцию фракийских царей и земледельческой знати. Такого рода укрепленные виллы существовали и в более позднее время, о чем свидетельствуют и другие литературные источники по Фракии, а также археологические материалы (укрепленный квартал в Севтополе). Наличие укрепленных резиденций, видимо, было связано как с угрозой внешних нападений, так и с борьбой местного населения против земельной аристократии¹².

Племена финов (или вифинов), жившие на скрещении путей из Европы в Азию и являвшиеся ближайшими соседями крупнейшей греческой колонии на Понте Евксинском — Византии, более других фракийских племен находились в поле зрения античной литературной традиции. Поэтому отношения, сложившиеся в их обществе, могут служить примером и еще одной формы зависимости. В качестве завоевателей фигурируют в данном случае греки, выходцы из города Мегары, основавшие свой город Византий на землях финов и подчинившие последних. Об этом известно из сообщения Филарха (III в. до н. э.), изложенного Афинеем: «византийцы также господствовали над вифинами, как лакедемоняне над илотами» (*Athen.*, VI, 271 с.). Идентичные свиде-

¹² См. Д. П. Димитров. За укрепленные виллы и резиденции у траките в предримская эпоха, стр. 683—699.

тельства имеются о самых западных фракийцах, живших на границе с иллирийскими племенами. Первое из них, оставленное греческим историком IV в. до н. э. Теопомпом (и дошедшее также в изложении Афинея), касается иллирийского племени ардиаев, которые имели 300 тысяч проспелатов, бывших на том же положении, как илоты в Спарте (Athen., VI, 271 e). Второе свидетельство, зафиксированное Афинеем, принадлежало Агатархиду из Книды (Athen., VI, 272 d). Оно касается другого племени иллирийцев — дарданов, которые «имели так много дулов, что один человек имел тысячу, а другой и более. Каждый из них обрабатывал в мирное время землю, а в военное время участвовал в армии под предводительством своего господина («деспота»)». Население, эксплуатировавшееся ардиями и дарданами, — это западные фракийцы¹³, которых покорили иллирийцы. Все три сообщения, несмотря на то, что они переданы эллинистическими авторами, есть достаточно оснований отнести к более раннему времени, соответствующему периоду завоевания.

Цитированные сообщения вводят Фракию в круг производственных отношений, сложившихся в ряде греческих областей в результате завоевания. Речь идет об илотах в Спарте, пенестах в Фессалии, мноитах и войкеях на Крите, мариандинах в Гераклее Понтийской и пр. На сходство в положении этих категорий зависимого населения, как мы видели, обращали внимание уже древние авторы. Аристотель отождествлял положение илотов с положением пенестов; Страбон сообщал, что гераклийцы заставили мариандинов быть илотами, и проводил параллель между порабощением мариандинов в Гераклее, мноитов на Крите и пенестов в Фессалии; как следует из приведенной выше цитаты, Филарх идентифицировал положение вифинов в Византии с положением илотов в Спарте и т. п. Современные исследователи, исходя из данных античной историографии, также отмечают черты сходства в социальном и экономическом положении зависимого населения, называемого этими терминами¹⁴. Не вызывает сомнения, что между всеми этими категориями зависимости не было полного тождества и каждая из них имела свою специфику. Однако ясно, что у них были и какие-то существенные общие черты, которые повели к их идентификации, ставшей традиционной в античной историографии. У нас нет данных для утверждения, что все черты, характеризующие положение зависимого населения разных областей Эллады, были присущи и вифинам, порабощенным Византием, и фракийцам, порабощенным иллирийцами. Можно полагать, однако, что основные из этих черт существовали и у этих племен, что и дало повод древним авторам считать их положение сходным с положением илотов в Спарте. В качестве таких роднящих их черт следует отметить прежде всего то, что все названные категории населения оставались на земле, которой владели до завоевания, хотя и обязаны были отдавать завоевателям большую часть продуктов своего труда в виде подати («апофора», «синтаксис»). Эвфорион и Каллострат называли мариандинов «приносящими дары»; так же характеризовал Фукидид население Одрисского царства. Земля, которую обрабатывало завоеванное население, объявлялась собственностью государства (например, «общины равных» в Спарте) или отдельных знатных родов (например, в Фессалии). Можно полагать, что эта черта — одна из характернейших для форм зависимости, подобных илотии,

¹³ См. «Österreichische Jahreshefte». 1907. Bd. X, S. 171—173.

¹⁴ В. В. Струве. Плебеи и илоты. «Известия» Государственной академии истории материальной культуры (далее — «ИГАИМК»). Вып. 100, М.-Л. 1933, стр. 68—69, прим. 8—11; Хр. Данов. Към историята на полусвободните селяне през античната епоха. «Известия на Археологическия институт». Т. XIX. 1955, стр. 111—121; Р. В. Шмидт. Из истории Фессалии. «ИГАИМК». Вып. 101. 1933, стр. 86—87; А. И. Тюменев. История античных рабовладельческих обществ. М.-Л. 1933, стр. 261. Hasebroeck. Griechische Wirtschaft und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen. 1931, S. 74.

была свойственна и той зависимости, в которую попали вифины и западные фракийцы, завоеванные ардяями и дарданами, а это делает ее сходной с той формой зависимости основного населения Одрисского царства, о которой шла речь выше. Но тем сходство и ограничивается.

Несмотря на разницу в положении различных категорий зависимого населения древней Греции (от младших членов семейно-родовой общины, как весьма обоснованно трактует войкеев К. М. Колобова, до илотов — членов враждебных общин, противопоставлявшихся свободным жителям Лаконии и подвергавшихся эксплуатации, сопровождавшейся жесточайшим террором), перед нами бесспорно зависимое население, отличавшееся по своему статусу от свободных. Это четко прослеживается, например, в Гортинских законах, где насилие по отношению к свободному наказывалось штрафом в 100 статеров, а по отношению к войкею — в 2,5 статера¹⁵. Целая система мер была разработана для устрашения подчиненных (вплоть до их физического истребления). И именно в этом состояло отличие положения зависимых типа илотов (к которым мы относим вифинов) от свободных фракийцев, хотя и последние несли бремя экономических тягот в пользу царя и знати. Вопрос о социальном статусе илотов и аналогичного им населения других областей древней Греции широко дебатировался в научной литературе. В то время как одни ученые считают илотию «крепостничеством завоевательного типа», или «видом коллективного рабства», близким к «феодалному крепостничеству», или «примитивно-крепостническими отношениями даннического типа»¹⁶, другие причисляют ее к рабовладельческим отношениям, считая илотию «примитивной формой рабства», а положение войкеев почти равным положению обычного раба¹⁷; третьи, не относя эти взаимоотношения ни к рабовладельческим, ни к феодальным, подчеркивают многообразие форм зависимости в античном мире, полагая, что все эти формы представляют собой различные степени того состояния несвободы, которые возможны между свободой и рабством, не совпадая, однако, ни с последним, ни с феодальной зависимостью¹⁸.

Не пытаясь предвосхитить решение этого сложного вопроса, мы хотели бы подчеркнуть своеобразие положения зависимого сельского населения рассматриваемых областей греческой ойкумены. Оно состоит прежде всего в том, что земледелец типа илота не отрывался от основного средства производства — земли; он продолжал обрабатывать ее, хотя уже на правах не владения, а лишь держания, пользования, и это существенно отличало его от рабов, оторванных, как правило, от средств производства. Все категории населения, сходные с илотами, не были лишены права собственности, что также отличало их от рабов. Уже само обязательство выплачивать апофору предполагало у них наличие своего хозяйства, своих орудий труда, дающих им средства к существованию. Само подчинение этих групп населения не было безусловным, как то свойственно рабовладению. Так, мариандины несли обязанность «доставлять гераклеотам все необходимое», а пенесты должны были платить подать при условии, если они остаются в пределах

¹⁵ К. М. Колобова. Войкеи на Крите. «ВДИ», 1957, № 2, стр. 25, 43—46.

¹⁶ В. В. Струве. Указ соч., стр. 364; А. И. Тюменев. Указ соч., стр. 27; D. Lotze. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerung im Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Ch. В. 1959, S. 79.

¹⁷ С. И. Ковалев. История античного общества. Греция. Л. 1937, стр. 151; Л. Н. Казамазова. Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. э. «ВДИ», 1953, № 2, стр. 38; Л. А. Ельницкий. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М. 1964, стр. 18—19.

¹⁸ Р. В. Шмидт. О непосредственных производителях на Крите. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 42—57; К. М. Колобова. Указ соч., стр. 25—46; M. I. Finley. Was Greek Civilization Based on Slave Labour? «Historia», 1959, Vol. VIII, № 2, p. 147.

своей страны (то есть не подлежат продаже). Важно отметить и право зависимого населения (войкеев) иметь семью с семейным правом, близким к праву свободных; более того, войкеям не запрещалось вступать в браки со свободными; они имели также право свидетельствовать в суде. Юридический статус этих категорий зависимых, таким образом, отличен от рабского, хотя и не может быть приравнен к статусу свободных. Разногласия в определении историками статуса зависимого населения типа илотов объясняются, видимо, тем, что одни из авторов, выделяя черты, которые сближают его с рабством, игнорируют иные, сближающие его с зависимостью крепостнического типа. Может быть, вернее видеть в этой форме зависимости синтез и тех и других черт, не развившихся, однако, до своего завершения? К. Маркс, говоря о тех формах зависимости, которые возникают в докапиталистических формациях при завоевании земли и самого человека как ее принадлежности, подчеркивал, что именно «таким образом возникают рабство и крепостная зависимость»¹⁹.

Вопрос о рабовладении во Фракии оживленно обсуждался и обсуждается на страницах исторической печати. Как уже отмечалось, одни авторы с большей или меньшей категоричностью пишут о существовании во Фракии периода Одрисского царства (V—IV вв. до н. э.) крупных рабовладельцев, использовавших в больших масштабах рабский труд, и вообще о преимущественно рабовладельческом характере экономики страны; другие подчеркивают, что ведущая роль в хозяйстве Фракии принадлежала свободному крестьянству, находившемуся в зависимости от родовой знати и правителей (рабовладению при этом отводится незначительная роль); третьи отмечают, что большинство фракийских племен не имело рабов, находясь на стадии расцвета первобытнообщинного строя, и лишь некоторые из этих племен (одрисы) достигли в своем развитии стадии образования союза племен и патриархального рабства²⁰. Такие различия во мнениях по кардинальному вопросу раннефракийской истории объясняются не только расхождением в трактовке источников или в оценке роли рабовладения в историческом развитии Фракии, но и отсутствием четких критериев, на основе которых можно было бы дать бесспорное определение той или иной категории зависимости и соотнести эту категорию с тем или иным эксплуатируемым классом докапиталистических обществ. Есть и еще одна причина противоречивости оценок. Представители полярных мнений исходили из одной и той же предпосылки, что возникающее государство должно быть обязательно рабовладельческим. Поэтому те из них, которые увидели в письменных источниках указание на малое развитие рабовладения, неизбежно пришли к заключению о расцвете первобытнообщинного строя; другие же, обратившие внимание на высокий уровень развития экономики Фракии и глубокую имущественную дифференциацию ее общества, увидели в этих явлениях указание на возникновение государства (естественно, рабовладельческого) и сочли сведения античной традиции соответствующими такой трактовке.

При решении вопроса о характере социального строя Фракии VII—V вв. до н. э. целесообразнее всего вернуться к разбору источников, который даст возможность определить его более точно. Начнем с выяснения роли рабовладения. Несмотря на то, что о рабах в доодрисской Фракии можно найти сведения лишь в поэтических произведениях, они все же заслуживают внимания историка. Первое из них — «Одиссея» Гомера. Уже давно ученые, исследовавшие эпическое наследие древних греков, пришли к выводу, что строки гомеровских поэм,

¹⁹ См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М. 1940, стр. 24.

²⁰ С. Мулешков. *Общественно-экономический строй на траките от VIII до IV в. пр. н. э.* «ИИБИ», 1951, № 3—4, стр. 165.

касающиеся Фракии вообще и фракийского племени киконов (Odisea, IX, 39—61, 196—210), в частности,— весьма поздний слой эпоса и относятся ко времени колонизации греками Эгейского побережья Фракии (конец VIII—VI вв. до н. э.) или ко времени жизни Гомера (примерно на рубеже VII и VI вв. до н. э.)²¹. В этот период Эгейская Фракия находилась в центре политических устремлений афинского тирана Писистрата, вдохновляемых богатством фракийских рудников, и в песнях нашла отражение обильная новыми сведениями картина жизни фракийцев. Кроме того, в отличие от носивших застывший характер традиционных описаний рабов в оikosах крупных базилевсов, данные гомеровских поэм о рабах вне царских хозяйств, просто у богатых людей, как это имело место у киконов, близки исторической действительности времени жизни великого поэта²². Как известно, для обозначения рабов в хозяйстве жреца киконов Марона у Гомера употреблены термины «дмоес» и «амфиполой» (Odisea, IX, 205—207). Рабский статус людей, обозначаемых в гомеровском эпосе первым термином, в последнее время не вызывает сомнения²³. «Дмоес» в поэмах упоминаются наравне с имуществом — золотом, медью, скотом; о них говорится как об объектах грабежа, покупки или передачи в наследство; «дмоес» противопоставляются фетам как несвободные люди. Специфика этого термина состоит в том, что им обозначали тех из рабов, которые попали в рабство, будучи захвачены в плен в бою. Существенно, что эпос упоминает рабов-мужчин (свидетельство того, что фракийцы уже миновали стадию убийства пленников-мужчин и превращение их в рабов стало уже признанным учреждением). Вторым из употребленных терминов — «амфиполой» — в эпосе обозначаются рабыни из числа наиболее приближенных к своим господам, чаще всего горничные, служанки и т. п., во всех случаях фигурирующие как несвободные. Гомеровские тексты также дают некоторые возможности для решения в самых общих чертах вопроса о формах применения рабов в хозяйстве Фракии конца VIII—VI вв. до н. э. Оно здесь было ограничено в основном скотоводством, рабы выступали в качестве пастухов, домашних слуг и гребцов. В земледелии труд рабов применялся только в садоводстве (что отмечено в поздних частях поэмы), на полях же работали только свободные земледельцы. Участие рабынь в производительном труде еще более незначительно — это главным образом работы по дому и уход за господами, а также прядение и ткачество²⁴. Вывод об ограниченности применения рабского труда в гомеровской Греции (XI—VIII вв. до н. э.), следующий из анализа текста «Одиссеи», приложим и к фракийским производственным отношениям. Разница заключается не в уровне развития рабства, а в хронологических рамках: данные эпоса о киконах, фигурирующие в самых поздних из его частей, отражают обстановку в Эгейской Фракии конца VIII—начала VI вв. до н. э. Рабы у жреца Марона, по-видимому, по своим занятиям ничем не отличаются от рабов, имевшихся в других, не царских хозяйствах. Краткое упоминание о них все же дает основание связывать их функции с работами по дому

²¹ E. Bethe. Die Sage vom Troischen Kriege. Homer. Dichtung und Sage. Bd. III, 3. Leipzig—Berlin. 1927, S. 64; W. Heibig. Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert, 1887, S. 11; U. Wilamowitz-Moellendorf. Ilias und Homer. В. 1922, S. 62—64; Г. Кацаров. Тракия в Омировия эпос. «Известия на историческото дружество в София», кн. XI—XII, 1931—1932, стр. 134; Хр. Данов. Към историческия облик на древна Тракия. «ГСУ». Истор.-филологически факултет. Т. XL. 1943—1944, стр. 4; Д. П. Дмитриев. Материалната култура и изкуството на траките през ранната единническа епоха. «Археологически открития в България». София. 1957, стр. 69.

²² Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М. 1963, стр. 248—249.

²³ Трактовка терминов, обозначающих рабов в поэмах Гомера, дана по указанной выше работе Я. А. Ленцмана.

²⁴ Я. А. Ленцман. Указ. соч., стр. 251, 264—265.

(«Odisea», IX, 206). Ограниченность применения рабского труда не может в данном случае служить признаком раннего этапа развития рабовладения, соответствующего патриархальному рабству, от которого положение рабов во Фракии отличалось уже наметившимся среди них расслоением. Так, в доме Марона явно привилегированную роль играла, например, его ключница, одна из всех рабов и рабынь знавшая, где хранится вино. Ее роль явно аналогична той, которую играют другие «старшие» рабы в эпосе — надсмотрщицы, домоправительницы и т. п.

Второй наш источник по раннему периоду — стихотворение, одними из исследователей приписываемое греческому лирику середины VII в. до н. э. Архилоху, другими — греческому поэту середины VI в. до н. э. Гиппонакту²⁵, но всеми признаваемое подлинным:

Пускай близ Салмидесса²⁶ ночью темною
Взяли б фракийцы его
Чубатые — у них он настрадался бы,
Рабскую пищу едя.

Употребленное в последней из приведенных строк выражение «рабскую» служило основой для самых противоречивых трактовок текста стихотворения, от утверждений об использовании фракийцами рабов у себя в производстве и о продаже фракийцами рабов в другие страны — до доказательства расцвета у них первобытнородового строя. Текст стихотворения, с нашей точки зрения, не дает достаточных оснований для решения этих вопросов и лишь показывает, что чужеземцев, попавших в плен, фракийцы обращали в рабство. При иной трактовке вся фраза о страданиях пленников от «рабской пищи» была бы совершенно бессмысленной. О дальнейшей же судьбе рабов судить по этому тексту невозможно. Стихотворение Гиппонакта (Архилоха) указывает на второй источник рабства во Фракии доодрисского периода — пленение в результате пиратства. Таким образом, оба указанных источника отмечают происхождение рабов во Фракии из числа чужеземцев-пленников, приобретенных вне фракийского общества в результате удачного сражения или же пиратского нападения. Отмеченная выше по данным «Одиссеи» черта, характеризующая отход от патриархального (домашнего) рабства у киконцов, находит дальнейшее подтверждение в тексте Гиппонакта (Архилоха). Сообщение о страданиях пленников у фракийцев, сам термин «рабская пища» — симптомы наличия весьма четкой грани, разделяющей свободного и раба.

Сведения Геродота (V в. до н. э.) о рабах во Фракии более чем скудны — они ограничиваются, по существу, одной (уже упоминавшейся в другой связи) фразой о том, что у фракийцев «существует обычай продавать своих детей на чужбину». Это с очевидностью указывает на продажу в рабство за пределы страны и лишний раз подчеркивает ограниченность применения рабского труда в самой Фракии. «Анабазис» Ксенофонта, представляющий собой энциклопедию фракийской жизни второй половины V в. до н. э., дает некоторую возможность проследить состояние рабства в период первого государственного объединения фракийцев. Хотя упоминания о рабах очень ограничены, их можно по терминологическому принципу разделить на три группы. Первая из них объединяет рабов, обозначенных термином «пайс». В обоих случаях, когда он фигурирует у Ксенофонта во фракийских разделах (VII, III, 20 и 26—27), речь идет о молодых рабах, исполняющих функции

²⁵ «Antologia Lyrica Graeca». Fasc. 3. Leipzig. 1952, pp. 34—35, № 79a; Archiloque. Fragments Texte établi par F. Lesserre et A. Bonnard. P. 1958, p. XCI; O. Masson. Les fragments du poète Hipponax. P. 1962.

²⁶ Город Салмидесса был расположен на западном берегу Понта (современный город Мидия).

слуги, личной прислуги. Вторая группа материалов упоминает рабов, именуемых андраподами (в конце VI — начале V в. до н. э. этим термином в античной историографии обозначали человека, взятого в плен и проданного затем в рабство), и свидетельствует, что в момент пленения андрапод мог быть как свободным, так и рабом²⁷. И у Ксенофонта в разделах «Анабазиса», посвященных Фракии, этот термин явно обозначает пленных²⁸: андраподы появляются у греков (или у Севта) в результате нападений на фракийские деревни (VII, III, 47; VII, VI, 26, 28, VII, VII, 53).

Существенно, однако, установить: были ли эти захваченные люди в момент пленения свободными или же рабами? Контекст создает впечатление, что в плен попадали те же самые свободные крестьяне, которые сражались с Севтом и греками Ксенофонта. Такое восприятие усиливается при привлечении другого произведения того же Ксенофонта — «Греческой истории» («Hellenica», I, 6, 14—15), где для обозначения пленных из числа рабов употребляется специальный термин «та андрапода та дула» — пленные рабы. Еще более важен вопрос об использовании андраподов у фракийцев. В двух текстах, дающих ответ на этот вопрос, сообщается, что Севт, чтобы расплатиться со своими наемниками, продал в греческом городе захваченную во фракийских деревнях добычу, состоявшую из тысячи андраподов и множества скота (VII, III, 48 и VII, IV, I); в третьем случае он за недостатком времени прямо расплачивается ими с солдатами: «У меня нет денег, но то немного, что я имею — один талант, — я отдаю тебе, так же, как и 600 быков, до 4 тысяч голов мелкого скота и примерно 120 андраподов» (VII, VII, 53). Таким образом, термин «андрапод» здесь явно не имеет производственного оттенка и выступает как воплощение определенного количества богатства, фигурируя в стандартных формулах наряду со скотом²⁹. О третьей группе терминов, объединяющей зависимых, рассматриваемых как подданных, уже упоминалось выше, когда речь шла о нерабских формах зависимости.

Сведения Геродота о продаже фракийцами детей и Ксенофонта — о продаже взрослых в рабство на чужбину находят широкое подтверждение в других, как литературных, так и эпиграфических источниках. К числу их следует отнести рассказ Геродота (IV, 95) о Салмоксисе, бывшем рабом у Пифагора на острове Самосе, а впоследствии обожествленном фракийцами-гетами, его же рассказ о Родописе (II, 134, 135), прославленной куртизанке из Навкратиса, рабыне южнофракийского происхождения, современнице поэтессы Сапфо. Фракийской рабыней была мать Фемистокла (Plutarch., Themistocl., I; Athen., XIII, 576 c). Несколько надписей, относящихся ко времени утверждения афинского господства в Эгейской Фракии (VI в. до н. э.), свидетельствуют о начале массового появления рабов из Фракии в Аттике; число подобных эпиграфических документов возрастает в течение всего V века. Многочисленные упоминания в аттической комедии о рабах с типично фракийскими именами и появление имени «Фракийка», ставшего нарицательным для обозначения служанки-рабыни, свидетельствуют об усиле-

²⁷ См. термин «андрапод» в словарях: N. Pape. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Braunschweig. 1880; H. G. Liddel and R. Scott. A Greek — English Lexicon. Oxford. 1940. Я. А. Ленцман. Термины, обозначающие рабов в древнегреческом языке. «ВДИ», 1951, № 2, стр. 64.

²⁸ Так трактует этот термин во фракийских разделах Ксенофонта С. Мулешков (Указ. соч., стр. 150, 159).

²⁹ Термин «андрапод» трактуется большинством советских историков как характеристика не производственной, а товарной сущности раба (см. Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 60; Э. Л. Казакевич. Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. «ВДИ», 1958, № 2, стр. 95, 97). Эту же точку зрения высказывают и болгарские исследователи (см. Хр. М. Данов. Югоизточна Тракия по сведенията на Ксенофонт, стр. 300, прим. I; Д. П. Димитров. Един нов паметник за антично рабство в римска Тракия, стр. 10).

нии этого процесса. Очень показательны надписи на камне с описью имущества гермокопидов, сделанные в связи с их процессом в Афинах (415—414 гг. до н. э.), где 60% имен рабов, имеющих указание на этническую принадлежность,—фракийские³⁰.

Большинство данных о рабах во Фракии относится, как отмечалось, к категории свидетельств о работорговле на вывоз. Ее объектом становятся не только чужеземцы, но и сами фракийцы. Эти данные указывают на высокий уровень социального и экономического развития фракийского общества, в частности на значительное развитие товарных отношений, что подтверждается широким монетным обращением, имевшим место уже с конца VI в. до н. э. Социальное и экономическое влияние рабовладельческой материковой и островной Греции и греческих колоний в этот период истории выразилось здесь главным образом во включении Фракии в средиземноморскую торговлю (в том числе и работорговлю), но оно еще не затронуло в полной мере внутреннюю структуру страны. Свидетельства о широком экспорте в греческие полисы рабов, фракийцев по происхождению, сами по себе могут служить косвенным указанием на слабое применение рабов в качестве рабочей силы внутри Фракии. Сравнение сведений наиболее ранних из источников (конца VIII—VI вв. до н. э.), касающихся уровня развития рабства в самой Фракии, с более поздними (V в. до н. э.) обнаруживает совпадение по чрезвычайно существенному вопросу — и те и другие очерчивают весьма узкий круг применения рабского труда, ограниченный главным образом сферой обслуживания, что дает повод предполагать небольшой удельный вес труда рабов в процессе производства у фракийцев в эти периоды. Вместе с тем источники не содержат материалов, позволяющих установить поступательное движение рабовладельческих отношений, но скорее свидетельствуют об их застойности, о том, что как накануне возникновения государства у южных фракийцев, так и в первый период его существования (до конца V — начала IV в. до н. э.) рабовладение не получило производственного значения. Этот вывод, с нашей точки зрения, не ограничивается в истории Фракии узким периодом VII—V вв. до н. э. Следствием отношений, сложившихся в результате имманентного развития страны, были и те особенности рабовладения на ее территории, которые (несмотря на глубину всеохватывающих процессов эллинизации и романизации) продолжали ощущаться и в финальный, римский период античной Фракии.

Эти особенности сказались более всего в уровне развития рабовладения, в масштабах его распространения во фракийских землях. Исследователи истории рабовладения в античном мире в целом, и особенно истории фракийских провинций (в первые три века их вхождения в состав Римской империи: Фракии — с 46 г. н. э, Мёзии — с 15 г. н. э.), отмечают сравнительно малую роль рабов в социальной и экономической истории этой части Империи³¹. Эпиграфические свидетельства о рабах, столь многочисленные в других (например, галльских, африканских, ис-

³⁰ M. I. Finley. The Black Sea and Danubian Regions and the Slave Trade in Antiquity. «Klio», XL, 1962, pp. 51, 54; V. Velkov. Zur Frage der Sklaverei auf der Balkanhalbinsel während der Antike, S. 125—129; В. Велков. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—II вв. до н. э. «ВДИ», 1967, № 4.

³¹ Хр. М. Данов. Към история на робството в древна Тракия, стр. 416, сл.; Б. Геров. Указ. соч., стр. 23—27, 30—34; Д. П. Димитров. Тракия под римска власт. «История на България», стр. 35; V. Velkov. Die Sklaverei in Nordbulgarien in der römischen Kaiserzeit, S. 34—39; e jus d. Zur Frage der Sklaverei auf der Balkanhalbinsel während der Antike, S. 136—138; Е. М. Штаерман. Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи. «ВДИ», 1951, № 2, стр. 97, сл.; е е же. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, стр. 227, 248—254; А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, стр. 84—85; Т. Д. Златковская. Мёзия в I—II вв. М. 1951, стр. 7—22; е е же. Племенной союз гетов под руководством Биребисты. «ВДИ», 1955, № 2, стр. 85—86.

панских) провинциях, здесь незначительны. Невелико количество рабов у отдельных владельцев: обычно один-два, реже — три-пять рабов или отпущенников частного лица. Не менее существенны и другие особенности рабства в дунайских провинциях, отмеченные в этих же исследованиях. Рабы здесь принадлежали лицам, так или иначе связанным с римской администрацией и колонизацией; в районах с преобладанием местных имен упоминания о рабах и отпущенниках почти полностью отсутствуют. Характерно и то, что на этом этапе процесс развития рабовладения (как ни ограничен он был с точки зрения общеимперской) в самих фракийских провинциях шел с различной степенью интенсивности и имел различные масштабы. Между Дунаем и Балканами в Нижней Мёзии он проходил значительно быстрее и охватывал гораздо более широкие слои населения, чем к югу от Балканских гор, в провинции Фракии. В первой из них он прослеживается сначала в надписях, упоминающих рабов из поселений при военных лагерях на Дунайском лимесе, затем в надписях из дунайских городов и плодородных речных долин, свидетельствующих о наличии на частных землях ветеранов и муниципальной знати (*villa, praedia*) рабов, число которых иногда достигало 10—15 человек; здесь возникали и императорские сальтусы, на которых применялся труд рабов; можно предположить участие рабов и в деятельности крупных ремесленных мастерских. В отличие от пограничной и стратегически важной Мёзии во Фракии колонизация земель ветеранами и лицами из римской администрации была незначительной; как правило, здесь не было сколько-нибудь значительного числа крупных вилл и очень мало императорских сальтусов; весьма сомнительна возможность применения труда рабов в мелких ремесленных мастерских, характерных для Фракии.

Отмеченную разницу в масштабах развития рабовладения двух фракийских провинций в римское время никак нельзя объяснить предшествующим уровнем развития этих областей. Казалось бы, наоборот, именно в доримской Фракии, где выше был уровень производства, где чуть ли не на пять веков раньше возникло государство, должны были бы существовать более развитые формы рабовладения. Очевидно, уровень и интенсивность развития рабовладения во фракийских землях в римский период обуславливались степенью романизации (то есть степенью вовлеченности их в социально-экономическую жизнь Империи), их стратегическим и экономическим значением для Империи. Вместе с тем зависимость развития рабовладения во Фракии находилась, если можно так выразиться, в обратно пропорциональном отношении к ее предшествующему социально-экономическому уровню, в силу чего рабовладение приобрело здесь ряд характерных особенностей.

Приведенные выше данные свидетельствуют о многообразии форм эксплуатации во фракийском раннеклассовом обществе. Явление это отмечено К. Марксом³², как характерное для многих раннеклассовых обществ вообще, независимо от того, на каком из континентов эти общества развивались³³. Во Фракии виды эксплуатации наиболее ярко были

³² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 353.

³³ См., например, Ю. И. Семенов. Проблемы социально-экономического строя Древнего Востока. «Народы Азии и Африки», 1965, № 4, стр. 77—78. Интересны этнографические примеры этого же явления: С. П. Голстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «ИГАИМК». Вып. 103. 1934, стр. 183—186; С. А. Токкарев. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. Якутск. 1945, стр. 149—152; его же. Родовой строй Меланезии. «Советская этнография», 1933, № 3—4, стр. 72—73; Ю. П. Аверкиева. Рабство у индейцев Северной Америки. М.-Л. 1941, стр. 74—76; ее же. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. «Труды» Института этнографии. Т. LXIX, 1961, стр. 13, 26, 156, 222 и др.; «Народы Австралии и Океании». М. 1956, стр. 445; А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. «Труды» Института этнографии. Т. LXIX, стр. 121, сл. и другие работы.

представлены двумя полярными формами. Первая из них — эксплуатация свободного крестьянства царем, родовой и служилой знатью, представлявшими государство и получавшими прибавочный продукт в основном в виде налога с земли. Свобода крестьян обеспечивалась их принадлежностью к общине и связанным с ней обладанием средствами производства (земля) и орудиями производства. Сельское хозяйство — основная отрасль экономики Фракии — было основано на труде этих свободных общинников. В такой форме эксплуатации, отражающей начальный этап закабаления трудящихся субъектов, мы, как и большая часть авторов, выступавших в ходе настоящей дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории», усматриваем проявление тенденции развития протофеодальных отношений. Процесс этот, характеризующийся разложением общины, выделением знатных разбогатевших родов и отдельных малых семей, использующих труд своих соотечественников, в разной форме и в разной степени проходил во многих человеческих обществах в различное время. Он имеет сходные черты с процессом закабаления в досолоновой Аттике³⁴, но наиболее полное развитие получил в истории раннесредневековых племен Западной Европы³⁵. По роли, которую во Фракии в эксплуатации общинников играли государство и стоявший во главе его царь, этот процесс сходен и с процессом закабаления, происходившим в странах Древнего Востока³⁶. Однако черты сходства в формах эксплуатации в древневосточных государствах и во Фракии еще не дают оснований ставить знак равенства между этими обществами в целом. Их существенно отличают уровень развития товарного производства и разделения труда, роль городских центров, степень имущественного расслоения, формы управления и многие иные моменты, требующие специального рассмотрения не только на фракийском, а вообще на европейском материале. Вторая и наиболее тяжелая форма эксплуатации — рабство — была ограничена во Фракии незначительным количеством рабов (чаще пролаваемых за пределы страны), узкой сферой применения рабского труда внутри страны (главным образом в домашнем хозяйстве, в качестве домашних слуг)³⁷. Наряду с категориями фракийцев, подвергавшимися этим двум видам эксплуатации — лично свободными общинниками и рабами, — имелся ряд других категорий зависимого населения, лишь некоторые из которых нам известны. Это лица, так же как и рабы, лишённые свободы, но обладавшие в отличие от них средствами и орудиями производства и отдававшие почти весь

³⁴ К. М. Колобова. Издольщина в Аттике. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 11—12, стр. 5—18; К. К. Зельин. Борьба политических группировок в Аттике VI века до н. э. М. 1964, стр. 200, сл.

³⁵ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному. «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 75—87.

³⁶ См. Н. М. Постовская. Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте. «ВДИ», 1947, № 1, стр. 233—249; Ю. И. Семенов. Социально-экономический строй Древнего Востока. «Народы Азии и Африки», 1964, № 4 (здесь же указана также обширная востоковедческая литература); Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древнейших классовых обществ. «Вопросы истории», 1966, № 11.

³⁷ Ограниченная сфера применения труда рабов — явление, видимо, характерное для раннеклассовых обществ вообще. См. Н. А. Машкин. История древнего Рима. М. 1949, стр. 108; А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956, стр. 14, 32, 52—53; С. Я. Лурье. Язык и культура Микенской Греции. М.-Л. 1957, стр. 241—242, 269—280; Р. Гюнтер. Социальная дифференциация в древнейшем Риме. «ВДИ», 1959, № 1, стр. 52, сл.; А. И. Немировский. К вопросу о рабстве в раннем Риме. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1960, вып. 4, стр. 206, сл.; Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции, стр. 179—182; К. К. Зельин. Борьба политических группировок в Аттике, стр. 208; Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 65—69; Л. С. Васильев, И. А. Стучевский. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 78, примеч. 4—8.

продукт своего труда (за исключением незначительной части, необходимой для поддержания своего существования) подчинившим их завоевателям. Таким образом, мы встречаемся здесь с различными вариантами применения внеэкономического принуждения. Однако во фракийском раннеклассовом обществе каждая из указанных форм эксплуатации еще выступала в незавершенной и неразвитой форме, что объясняется силой общинородовых отношений.

Все сказанное, однако, не снимает стоящей перед исследователем необходимости выявить (насколько это позволяют источники), какие из форм эксплуатации играли ведущую роль в производственных отношениях. При решении этой проблемы мы исходим из определения удельного веса труда той или иной категории эксплуатируемого населения в процессе производства, из того, какая из форм производственных отношений становится преобладающей в совокупности всех социально-экономических отношений в стране³⁸. Если использовать эти критерии, то Фракию периода становления и развития раннеклассовых отношений нет достаточных оснований причислять к категории государств, основанных на рабовладельческом способе производства. Можно сказать, что фракийцы архаического периода (VII—V вв. до н. э.) знали рабство как форму эксплуатации, которая не развилась, однако, в господствующую. Государство возникло здесь прежде всего как орудие порабощения свободных общинников царем и знатью, и здесь была заложена тенденция развития протофеодальных отношений. Дальнейший ход исторического развития страны (включение Фракии в социальную и экономическую систему рабовладельческих империй) существенно изменил складывавшиеся в ранний период производственные отношения, придав больший вес элементам рабовладения.

³⁸ См. К. К. З е л ь и н. Принципы морфологической классификации форм зависимости. «ВДИ», 1967, № 2, стр. 18.